

18+

ЕМЦОВА ВЕРОНИКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПЕШКА НА ДОСКЕ
ЧЕТЫРЁХ КОРОЛЕЙ:
Нарушая все правила

Вероника Емцова

Пешка на доске Четырёх

Королей: Нарушая все правила

<https://litres.ru/74611232>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николь Картер всегда считала, что её отец - лишь глава легальной корпорации «Четыре короля», а империю унаследует брат. Желая вырваться из золотой клетки, она отказалась от статуса элитной наследницы, взяла чужое имя и шагнула в другую жизнь. Но прошлое не отпускает: потеряв любовь из-за слепой ненависти сестры Мии, мечтающей сокрушить Николь, она оказывается в центре опасной игры.

Джон Клайн - наследник теневого мира и один из четырёх властелинов мафиозного синдиката. Женщины для него были лишь мимолётным увлечением, пока одна случайная ночь с девушкой с вишнёвыми волосами не перевернула его мир. Одно мгновение безумной страсти подарило чувству, о котором он давно забыл.

Теперь его главная цель - не просто удержать её. Джон намерен подчинить себе её разум так же безоговорочно, как её сердце и отданное ему тело. Но когда на кону стоят тайны мафиозных

кланов и месть близких, их опасная связь превращается в битву, где ставка - сама жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вероника Емцова Пешка на доске Четырёх Королей: Нарушая все правила

Глава 1

Джон.

Сегодняшний день, как и все предыдущие, слился в бесконечную череду рабочих часов. Я уже и не вспомню, когда в последний раз позволял себе передышку. Быть главой в крупнейшей компании города - это не только статус, но и груз, который с каждым днём становится тяжелее.

Рутинизация из соглашений, отчётов и бесконечных подписей выматывала до предела. В какой-то момент я отложил ручку, откинулся на спинку кресла и тяжело выдохнул. Голова гудела от усталости - мне срочно нужно было расслабиться и сбросить лишний груз.

И будто в ответ на мои мысли дверь приоткрылась, и в кабинет вошла Эмма, моя секретарша. Черт.... А она была сексуальна в своем платице.

- Можно, Джон Клайн, я принесла вам кофе, и кекс кото-

рый вы любите. – Она улыбнулась, и поспешила ко мне.

Улыбаясь, я поправил штаны и облокотился на стол, наблюдая как, идя ко мне, её задница и грудь подпрыгивали в такт её походке.

Подойдя, Эмма поставила на стол чашку кофе и пустую тарелку. Потом чуть наклонилась - так, что её грудь была на уровне моих глаз.

- И где мой кекс? - спросил я, откидываясь на спинку кресла. Взгляд скользнул по её силуэту, задержался на лице, а потом снова вернулся к глазам.

- Ну как же, - она чуть опустила лямку платья и посмотрела на меня кокетливо улыбкой. - Сладкое вредно, а вот секс... Он точно полезен для здоровья. Я могу быть слаще любого кекса.

На секунду я замер, впитывая эту игру, этот дерзкий блеск в её глазах. А потом поднялся, не сводя с неё взгляда, и прижал её к столу. А затем впился в её губы. Сжимая в ладонях её грудь. Она застонала мне прямо в губы, от чего мой член был уже наготове, едва задев, его рукой она, простонала:

- Черт... - Расстегнув ширинку, медленно начала водить и гладить пальчиками, хотелось, чтобы она своими губками, прошлась по моему члену, сделав, минет, но я не мог сдерживаться.

Развернув, её спиной к себе, как она чуть крепче прижалась ко мне. Я поднял, платье, опустил трусики....

Но, нам помешали.... Не стуча, вошел Мэйсон, говоря, и

посмотрел, на нас:

- Эй, Джон, нам уже пора... - Мэйсон замер на полуслове и тут же отвернулся, будто пытаюсь стереть увиденное из памяти. - Блин, братан, может, это потом?

Я метнул на него взгляд, в котором кипела вся злость, того что он нас прервал. Грудь тяжело вздымалась, а разум всё ещё плыл, захваченный этой красоткой, что жаждала меня в себе. Мне отчаянно требовалось сбросить напряжение, что копилось неделями.

- Может, ты сам зайдёшь позже? - выдохнул я, стараясь удержать голос ровным, но в нём всё равно прорывалась хриплая резкость.

Мэйсон медленно повернул голову, и в его глазах читалась тяжёлое понимание - и железная необходимость держаться графика.

- Прости, Джон, но придётся отложить это на потом. Ник уже ждёт в машине, а переговоры не перенесёшь, если ты вдруг забыл.

Слово «переговоры» прозвучало как ледяной душ, возвращая меня к реальности.

- Чёрт... - пробормотал я, проводя рукой по лицу. - Дай мне хотя бы десять минут...

Мэйсон тяжело вздохнул, на секунду задержал на мне взгляд, - а потом коротко кивнул и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Пока Эмма, оценивала наш диалог, резким, страстным

движением я вошел в нее, срывая с губ сдавленные стоны. Довел её до оргазма, за десять гребанных минут.

Я быстро привёл себя в порядок, не смотря на Эмму, а только пулей вылетел из кабинета. Выйдя из здания, сел в машину и поймал на себе тяжёлый, недовольный взгляд Николаса. Тот даже не пытался скрыть раздражение - губы сжаты, плечи напряжены, в глазах читается: «Ну, сколько можно?»

Я усмехнулся. Пожав плечами. Видимо, Мэйсон успел всё ему рассказать. Николас лишь качнул головой, не произнося ни слова.

- А где Рой? - спросил я, надевая чёрные очки и откидываясь на спинку кресла. Закрыв глаза – несмотря на то, что было только двенадцать часов дня, день выжал из меня все силы, и сейчас даже пара минут тишины казались роскошью.

- Скоро должен подъехать к месту, - ответил он. В его голосе сквозило напряжение, но сейчас мне было не до них. Усталость накрыла, приглушая все лишние звуки и мысли.

Джон.

Мы мчались вперед на седане представительского класса. Открыв глаза посреди дороги, я бездумно смотрел на то, как за тонированным стеклом проносятся зеркальные башни корпораций, сливаясь в единый сверкающий мегаполис. В салоне пахло дорогой, кожей и дорогим парфюмом. Перед глазами всё еще вспыхивали обрывки недавней близости с

Эммой - да, на краткий миг это помогло выпустить пар, но жажда контроля и внутреннее напряжение так и не отпустили до конца. Реальность продолжала затягивать петлю на моей шее с каждым новым днем.

Мы ехали втроем на роскошном заднем диване этого инженерного чуда с первоклассной кожей и безупречной шумоизоляцией. Я сидел рядом с Ником, а напротив устроился Мэйсон; впереди, за стеклянной перегородкой, дорогой управлял Миллер - наш неизменный и преданный водитель.

Атмосфера в машине звенела от скрытого электричества. Ник сидел по правую руку: челюсти сведены до боли, пальцы сжаты в крепкие кулаки, а безупречно сидящий костюм лишь подчеркивал его статус - холодный, непоколебимый и властный. За все время пути он не проронил ни звука, но его тяжелый, мрачный взгляд говорил громче любых слов: моя минутная слабость, эта внеплановая искра в кабинете чуть не пустила под откос график сделки века. Мэйсон же, напротив, тихо и ехидно ухмылялся уголками губ, хотя отлично понимал, по какому тонкому лезвию мы только что прошли.

Мы были связаны гораздо сильнее, чем просто деловые партнеры. Я, Ник, Мэйсон и уже ожидавший нас Рой - мы все являлись наследниками огромной империи, вгрызающимися зубами в каждый процент акций, в каждый клочок власти, а так же держали контроль над этим городом и этих улиц.

Тишину в салоне прервал резкий, требовательный - входящий вызов с панели управления.

Ник раздражённо качнул головой, резким движением проведя пальцем по сенсорному экрану мультимедиа, и вывел разговор на громкую связь. Динамики мгновенно заполнил раскатистый, кипящий от ярости голос Роя:

- Вы какого чёрта опаздываете?! Я уже третий круг наре-
заю вокруг «Арго»! Если эти китайцы развернутся и уедут,
наш контракт на двести миллионов уплывет к конкурентам,
а вы можете сразу сдавать свои доли. Джон, твое пятиминут-
ное «опоздание» затянулось до неприличия! Где вас носит?!

Я медленно выпрямился, поправив темные очки на пере-
носице, откинулся на мягкую кожу сиденья и устало провел
пальцами по лбу, разминая ноющую точку между бровей.

- Отставить панику, Рой, - мой голос прозвучал низко,
властно и абсолютно спокойно. - Мы на подходе. Будем у
входа ровно через три минуты.

Я коснулся экрана, сбрасывая вызов. Ник шумно выдох-
нул, сбрасывая тяжелый груз накопившегося раздражения,
и нервным движением чуть ослабил тугой узел галстука под
воротником идеальной рубашки.

- Ну что, наследники престола, - Мэйсон окинул нас цеп-
ким, оценивающим взглядом, поправляя серебряные запон-
ки на манжетах. - Идём, покажем им, чьё слово здесь закон?

- Идём, - бросил я, глядя сквозь темное тонированное
стекло на массивный, уходящий в небеса силуэт бизнес -
центра. - Игра только начинается.

Николь.

Была последняя неделя августа и была эта грань между беззаботностью лета и неизбежной суетой нового семестра. Скоро я снова окунусь в учёбу с головой, растворюсь в лекциях, дедлайнах и бесконечных строчках конспектов.

Лето в этом году выдалось на удивление тихим, и спокойным. Будто в пригороде люди разохались кто куда, а время текло медленнее обычного. Брата я почти не видела - он, как всегда пропадал на работе, растворяясь в делах, и наши редкие звонки лишь подчёркивали эту дистанцию. Отец тоже всегда занят - его поздние возвращения стали привычными. Редко выпадает такой вечер, когда он успевает к ужину. А в остальные дни мы с мамой проводим эти тихие вечера вдвоём. Ужинаем, неспешно делимся новостями, а летом всегда выходим на веранду - с пирогом и чашкой чая.

Сегодня была последняя свободная вечеринка - тот редкий вечер, когда можно не оглядываться на завтрашний день. Не гадать, успею ли подготовить задания, не тревожиться из-за тестов и проектов. Сегодня можно было просто быть свободной - смеяться, танцевать, ловить моменты и позволять себе верить, что лето ещё не закончилось.

Я стояла перед зеркалом, разглядывая свой новый наряд — юбку шорты и белый топ, который мягко подчёркивал линию груди. На шее поблёскивал кулон в форме сердца, в ушах — такие же серьги: подарок от брата.

Я распустила волосы и завila их локонами. Мама всегда

шутила: *«Твои волосы - как восход над вишнёвой рощей»*. И правда: оттенок вишнёвого шоколада смотрелся необычно. Я впервые покрасила волосы после перемен в моей жизни, три года назад. Хотелось что-то в себе поменять, и, кажется, перемена получилась удачной. Подвела глаза, нанесла алую помаду, добавила пару капель духов - и ещё раз оглядела себя. Пора было спускаться: из кухни доносился громкий звон посуды - мама чем-то очень усердно занималась и уж громко звенела все этой посудой.

Спускаясь по лестнице, я уловила аппетитный запах жареной утки и невольно удивилась. С чего вдруг мама решила приготовить такое блюдо? Она умела готовить, но подобные угощения появлялись у нас только по праздникам. Да и зачем, если есть личный повар? Мама бралась за такие блюда лишь в особенные дни - а впереди не каких праздников не намечалось.

- Мам? - позвала я громко, но ответа не последовало.

Я зашла на кухню и увидела, как мама мечется от стола к плите: то нарезает овощи, то возится с соусом, будто пытается успеть всё сразу. Я окликнула её снова - тишина. Только с третьей попытки, когда я подошла к столешнице, она, наконец, меня заметила.

Мама вздрогнула так резко, что нечаянно опрокинула тарелку с фасолью.

- Боже, Николь! - Она прижала ладонь к груди, пытаясь унять бешеный стук сердца. - Ты крадёшься, как кошка...

Я чуть усмехнулась, а она, хоть и встревоженно, всё же улыбнулась в ответ.

- Вообще-то я звала тебя трижды, - сказала я, пока мама торопливо убирала рассыпавшуюся фасоль. Не раздумывая, я подхватила со стола кусочек нарезанного свежего перца и сунула в рот.

Я не сводила глаз с мамы. В каждом её движении сквозило странное напряжение, и это тревожило.

- Мам, ты что, собираешься накормить всю улицу? - попыталась я пошутить, но взгляд не отпускал её лица.

Она лишь слегка улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, совсем не такой, как обычно.

- Мам, скажи, что происходит? - я смотрела на неё в упор, неторопливо жуя перчик. Будто давая время на раздумья.

- Николь, ничего такого... Просто... Просто хотела сделать что-то особенное, - голос мамы дрогнул на последних словах, и я сразу поняла: она что-то скрывает. В этой неловой паузе чувствовалось нечто большее, чем просто желание приготовить вкусный ужин.

Мама нервно резала овощи - нож чуть подрагивал в её руке, а движения выходили резкими, торопливыми. Наконец она подняла взгляд, и я увидела в её глазах - тех самых, цвета гречишного мёда, что достались мне от неё, - тревогу, которая никак не хотела прятаться. Было видно: она изо всех сил пытается подобрать слова, но страх сказать лишнее сковывал её.

Я стояла молча, не торопя, давая ей время собраться с мыслями. Пусть выговорит всё, пусть хоть как-то облечёт в слова то, что так тяжело давило на неё. Мама тяжело вздохнула, снова посмотрела на меня - и в этом взгляде читалась боль, будто ей приходилось разрываться между желанием защитить меня и необходимостью сказать правду.

- Мия... прилетает завтра, - прошептала она, и каждое слово давалось ей с трудом.

Её слова ударили точно в грудь - резко, без предупреждения. Воздух в кухне стал тяжелым, каждый вдох давался с усилием. Я прокашлялась, чтобы прогнать этот странный ком в горле, и подняла на неё глаза.

- Я сегодня останусь у Алисии, - выговорила я, и улыбка, которую я попыталась изобразить, вышла кривой, совсем не похожей на настоящую. - У неё как раз проект нужно дописать.... Тот, что нам на лето задавали. Так что извини.

- Доченька... - голос мамы дрогнул, в нём слышались слёзы, она едва сдерживала их.

Я не стала дослушивать. Молча развернулась и вышла из кухни, а потом почти побежала вверх по лестнице. На втором этаже я захлопнула дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной, сдерживая подступающие слёзы. Сейчас нельзя было плакать - иначе придётся смывать макияж и наносить всё заново, а у меня на это не было ни сил, ни желания.

Схватив рюкзак, я начала торопливо кидать туда самое необходимое - вещи на пару дней. Движения выходили рез-

кими, почти яростными, будто спешка могла заглушить ту тяжесть, что осела внутри.

«*Английская принцесса возвращается*», - пронеслось в голове. Та самая, что три года назад одним звонким, безжалостным голосом разбила не только папину вазу, но и мою наивную веру в «навсегда». «*Ты мне противна, и я не дам тебе спокойно жить!*» - эти слова до сих пор звучали в ушах, словно она произнесла их только вчера. И теперь она возвращалась. В глубине души я надеялась, что она уехала в Лондон, с мужем, навсегда. Ну и оставалась бы там, за тысячи километров от меня, но нет же, ей нужно было, вернуться.

За окном раздался гудок машины - ребята уже приехали за мной. Я метнулась в ванную и легонько сбрызнула лицо ледяной водой, пытаюсь унять дрожь внутри. Холодные капли осели на коже, и на миг стало чуть легче - будто холод мог остудить ту горечь, что разливалась по груди.

Это была последняя вечеринка лета... и, наверное, день, который я запомню навсегда. В голове снова и снова крутилась горькая истина: «*родная кровь жжёт более чужих ран*».

Я устала находиться в этих стенах - каждая деталь, каждый уголок напоминали о предательстве. Дом, который когда-то казался надёжным убежищем, теперь будто сжимался вокруг, давил, не давал дышать. Даже взгляд в зеркало становился испытанием: он словно шептал, как глубоко могут ранить те, кого ты искренне считал своей семьёй.

Я тихо вышла из комнаты. Мама даже не заметила - по-прежнему суетилась на кухне, погружённая в свои приготовления. Не проронив ни слова, я спустилась вниз, села в машину к друзьям - и мы поехали в клуб. Шум мотора и мелькание огней за окном понемногу заглушали тяжёлые мысли, обещая хотя бы на несколько часов вырвать меня из этого дня.

Джон.

Машина плавно затормозила у главного входа бизнес - центра «Арго». Миллер мгновенно выскочил из-за руля, распахивая перед нами тяжелую пассажирскую дверь.

Мы вышли наружу единым монолитом - четыре наследника империи, собравшие в кулак усталость, амбиции и холодный расчет. Нас уже ждал Рой. Он стоял у стеклянных дверей вестибюля, скрестив руки на груди, а на его лице читалась смесь глубокого раздражения и облегчения.

- Наконец-то, - бросил Рой, резко разворачиваясь и направляясь к лифтам. - Чэнь и его партнеры уже двадцать минут сидят в переговорной на сорок пятом этаже. Они недовольны, Джон. Очень недовольны.

- Переживут, - холодно ответил я, поправляя пиджак на ходу. - Контракты такого уровня на дороге не валяются, и они это прекрасно знают.

Мы ворвались в просторный холл переговорной, где пахло дорогим кофе, дорогим парфюмом и паникой наших кор-

поративных юристов. За массивным стеклянным столом, отражающим панораму мегаполиса, сидела делегация инвесторов во главе с мистером Чэнем - пожилым, безупречно одетым китайским магнатом с пронзительным, цепким взглядом. Рядом с ним нервно перебирали бумаги переводчики и аналитики.

При нашем появлении в комнате повисла тишина.

Чэнь медленно поднял чашку с зеленым чаем, делая небольшой глоток, и посмотрел на меня поверх ободка. Его лицо не выражало абсолютно ничего, но в глазах читалось негласное обвинение в неуважении к чужому времени.

- Мистер Клайн, - заговорил переводчик, но Чэнь мягко поднял руку, останавливая его. Старик заговорил сам, на чистом, хоть и с тяжелым акцентом английском:

- Пунктуальность - это уважение к капиталу, молодые люди. А опоздание на двадцать две минуты... заставляет меня сомневаться, стоит ли доверять вам двести миллионов.

Мэйсон чуть заметно усмехнулся у меня за спиной, Ник напрягся, а Рой едва слышно выдохнул, мысленно готовя худший сценарий. Но игра на миллиарды строится не на извинениях. Она строится на силе.

Я медленно подошел к главе стола, не сводя с Чэня тяжелого, уверенного взгляда, и плавно опустился в центральное кресло. Ник, Мэйсон и Рой заняли места рядом со мной, образовав нерушимую стену.

- Время действительно ценно, мистер Чэнь, - мой голос

прозвучал низко, ровно и абсолютно безмятежно. Я облокотился на стол, сцепив пальцы в замок. - Именно поэтому мы здесь. Мы не опоздали. Мы просто дали вам время еще раз изучить цифры нашего предложения. И, судя по тому, что вы до сих пор здесь, эти цифры вам чертовски нравятся.

На секунду в переговорной повисла мертвая тишина. Юристы перестали дышать.

А затем уголки губ мистера Чэня медленно дрогнули в подобии уважительной улыбки. Он отложил чашку, сцепил руки перед собой и подался вперед:

- Дерзко, Джон Клайн. Очень дерзко. Что ж... давайте посмотрим, стоят ли ваши слова этих денег. Открывайте папки.

Николь.

Выйдя из машины, я остановилась, сжимая лямку рюкзака на плече, и посмотрела на клуб. Он пылал в темноте - тысячи маленьких огоньков рассекали ночь. У входа толпились люди: кто-то ещё не успел зайти, а уже танцевал прямо на ступенях, кто-то смеялся слишком громко, кто-то едва держался на ногах. Воздух здесь был тяжёлым, от запаха алкоголя и духоты, и он будто давил на виски. Я невольно втянула носом прохладу ночи - и тут же пожалела, что она тут же смешивалась с этим душным клубным воздухом.

За свои двадцать один год я была в клубе всего пару раз - шумные вечеринки никогда не были моей стихией. Мои идеальные вечера всегда выглядели иначе: уютная чашка чая,

книга и тишина, в которой слышно лишь неспешное тиканье часов. А если и хотелось движения, я выбирала открытый воздух - места, где ветер свободно гуляет сквозь кроны деревьев, а над головой простирается бескрайнее небо, не заслонённое миганием искусственного неона.

Стоя у порога, я замерла, чувствуя себя абсолютно чужой среди этой суеты, пока друзья уже скрылись внутри. Глухой бас, чужой смех, резкие вспышки света - всё это казалось параллельной реальностью. И я шагнула в неё лишь потому, что оставаться наедине со своей болью было еще невыносимее.

Подойдя к входу, я даже не потянулась за паспортом. Охранники у дверей давно знали меня - и каждый раз реагировали одинаково: устало закатывали глаза и молча пропускали без очереди. Их едва заметные ухмылки говорили громче любых слов: *«Знаем, чья ты дочь»*.

Я столько раз пыталась стереть из чужих взглядов это узнавание, сделать так, чтобы на меня смотрели просто как на девушку, а не как на чью-то наследницу. Но эти люди знали не только моё лицо - они знали правила. Рассказывать кому-либо лишнее было для них равносильно потере работы, а терять её никто не хотел. Ведь моя семья щедро платила за их молчание.

Фамилия в моём паспорте казалась такой же ненастоящей, как поддельные бриллианты в витрине - блестела, притягивала взгляды, но не имела настоящей ценности. Отец не раз

повторял:

«Пока ты хочешь быть Николь Кристалл, а не Николь Картер, ты всё равно останешься частью семьи - и будешь в безопасности. От этого тебе не отказаться».

Только вот какой смысл в этой «безопасности», если каждый угол этого города будто шептал обо мне? Каждый прохожий, каждый официант, каждый охранник словно знал чуть больше, чем следовало. Истории о моей семье, о моём происхождении были везде. И я отчаянно пыталась сбежать от этого, спрятаться, стать невидимой - но он всё равно настигал меня, - не давал сделать ни одного шага, который не был бы заранее кем-то прочитан и оценён.

Но всё равно оставались те, кто не знал меня. Кто не в курсе, что у Картеров две наследницы, а не одна. И я цеплялась за эту крошечную возможность. Я старалась, чтобы так всё и оставалось. Чтобы никто не складывал обо мне чужих историй, не вешал ярлыков, не смотрел с тем самым прищуром. А со временем... со временем я мечтала, чтобы обо мне вообще забыли. Чтобы эта фамилия перестала звенеть при каждом моём шаге, чтобы можно было просто жить, не оглядываясь.

И здесь, в шуме клуба, среди чужих людей, которые не знали ни про Картеров, ни про мои семейные тайны, это почти получалось. На пару минут, на один танец, на глоток воздуха, который не был пропитан ожиданиями семьи. Здесь я могла притвориться, что я - просто Николь. Без приставки,

без истории, без груза, который всегда тянул вниз. И ради этих минут я и пришла.

Протискиваясь сквозь плотную толпу танцующих - сквозь жар тел, сквозь запах парфюма, смешавшийся с терпким духом алкоголя, - я, наконец, заметила Алисию. Она сидела у столика с бархатными диванами и махала мне рукой. Её кровавокрасные ногти вспыхивали в полумраке, точно сигнальные огни. В этом искусственном свете, под оглушающий грохот музыки, я вдруг почувствовала себя призраком собственной жизни. Будто я скользила по краю чьей-то чужой истории - тенью той, кем могла бы стать, и одновременно чужой той, кем стала. Воздух был горячим, он сплетал воедино аромат дорогих напитков и горьковатый привкус лжи, который, казалось, витал здесь повсюду.

Как только я подошла, Алисия тут же заключила меня в объятия - так крепко, что браслеты на её руке впились мне в кожу.

- Что случилось, Николь? - прошептала она, осторожно отводя прядь моих вишнёвых волос. Её взгляд скользнул по моему лицу. - Твои глаза... Они уже не переливаются тем привычным медовым оттенком. Сейчас они темнее тучи. Мия?

Одно лишь это имя, сорвавшееся с её губ, пронзило меня насквозь. По венам будто пробежал ледяной холод. Я схватила бокал с каким-то коктейлем - он отливал густым фиолетовым цветом - и выпила залпом. Горло обожгло, я слегка

поёжилась, прошептав:

- Могу ли я... - голос дрогнул, срываясь, и я почувствовала, как стыдно просить о таком, как унижительно зависеть от чьей-то доброты.

- Мой дом - твой, - тихо произнесла, Лиси, не дожидаясь окончания фразы. В этих простых словах не было пафоса, только твёрдая, спокойная уверенность.

- Спасибо, - прошептала я и выдавила улыбку. Потом махнула рукой, подзывая официанта.

«Я всегда верила в то, что настоящая семья - это не те, кто связан с тобой кровью, а те, кто готов протянуть руку, когда мир вокруг рушится».

Джон.

Вечер встретил меня тишиной пустой квартиры. Я вернулся домой абсолютно выжатый, словно этот бесконечный день вытянул из меня все силы до последней капли.

Не включая свет, я прошел в столовую-зал, наощупь отыскал тяжелую бутылку виски в баре и плеснул на дно бокала пару кубиков льда. Выпил залпом, не чувствуя вкуса. Обжигающая резкость напитка резанула горло, на секунду пробивая тяжелую пелену усталости и возвращая меня обратно в собственное тело. Налив второй стакан, я прихватил его с собой и направился в душ.

Сбросив одежду, сделал еще один небольшой глоток, оставляя стакан на мраморной тумбочке. Прохладные струи

душа обрушились на плечи, смывая не только дорожную пыль, но и напряжение прошедших часов. Вода бодрила, возвращая остроту восприятия - пусть и ненадолго.

Накинув на бедра полотенце, я взял бокал и вернулся в столовую-зал - мое личное убежище в этом огромном бетонном мире. Здесь всё дышало, покоем и было, создано по моим идеям: массивный обеденный стол из темного, благородного дерева, пара глубоких замшевых кресел, темная линия стеллажей с книгами вдоль стены и панорамные окна во всю стену, открывающие вид на пульсирующий внизу ночной мегаполис.

Устроившись в кресле, я замер, наблюдая, как мириады огней рассыпаются по темным артериям улиц. Медленно, глоток за глотком, я цедил виски, позволяя тишине обволакивать меня со всех сторон. В эти редкие часы не нужно было носить маску непобедимого руководителя, не нужно было держать под контролем империю и просчитывать каждый шаг наперед. Можно было просто существовать.

Я смотрел на огни ночного города, а на губах сама собой расцветала легкая, уставшая улыбка. Перед глазами снова оживали напряженные лица китайских инвесторов, победный финал в переговорной. И то самое сладкое осознание того, что мы снова сделали невозможное:

«Переговоры длились больше двух часов. Это была изнурительная игра нервов, где каждое слово взвешивалось на аптекарских весах, а любая неверная формулировка могла

стоит миллионов. Чэнь оказался жестким, вьедливым переговорщиком - он не прощал слабых мест и проверял нас на прочность, задавая каверзные вопросы по логистике, гарантиям и рискам.

Но мы были единым целым.

Когда казалось, что позиции зашли в тупик, в дело вступал Ник, оперируя сухими, безупречными цифрами финансовой отчетности. Когда напряжение достигало пика, Мэйсон разряжал обстановку тонкой, филигранной шуткой, заставляя китайских партнеров сменить гнев на милость. Рой держал под контролем юридические нюансы, следя за каждым пунктом контракта, а я вел игру на опережение, диктуя условия и не оставляя им шанса на отступление. Мы работали как швейцарский механизм, где каждый зубчик был на своем месте.

Наконец, мистер Чэнь медленно закрыл свою папку, откинулся на спинку кресла и обвел нас долгим, уважительным взглядом. Напряжение, висевшее в комнате всё это время, казалось, можно было резать ножом.

- Что ж, - произнес Чэнь, и уголки его рта тронула легкая улыбка. - Признаюсь, ваши методы порой граничат с дерзостью. Но результаты говорят сами за себя. Вы умеете держать удар.

Он протянул руку через стол.

Я встал первым, уверенным движением перехватив его ладонь в крепком рукопожатии. Ник, Мэйсон и Рой синхрон-

но поднялись. Контракт на двести миллионов был наш.

Когда мы вышли из здания бизнес – центра и вдохнули легкий прохладный ветерок, я слегка улыбнулся, поворачиваясь к ним закуривая, сигарету. Ник шумно выдохнул, проводя рукой по волосам, и позволил себе редкую, уставшую улыбку. Мэйсон растянул верхнюю пуговицу рубашки, а Рой улыбался довольный результатом.

- Ну что, наследники, - тихо произнес я, глядя на них, и окидывая, быстрым взглядом как загораются, огни большого города, и, чувствуя, как адреналин сменяется привычной холодной ясностью. - Мы удержали империю.

Парни довольно кивну, в их глазах отражались неоновые вспышки вечернего мегаполиса. Мы стояли на ступеньках «Арго» - четыре наследника, четыре грани одного монолита, которые сегодня снова доказали всему миру свою несокрушимость.

- Удержали, - подтвердил Ник. - Но завтра начнется всё сначала. Совет директоров не спит, да и старик Кент явно замышляет что-то в своем департаменте.

- Пусть замышляет, - выпустив кольцо серого дыма, я бросил взгляд на подъезжающий к тротуару черный седан. - Пока мы вместе, эта империя будет стоять намертво. А все остальное - просто детали.

Мы переглянулись. Никаких громких тостов или лишних слов было не нужно. Настоящая сила говорила за нас сама».

Этот день забрал у нас слишком много сил, но взамен мы

получили главное - победу.

И всё же мысли об утреннем сексе с Эммой не шли из головы - только теперь не из-за сладости моментов, а из-за горького привкуса разочарования. Секс был отвратительным. Наспех, в суете, на краю стола, уложившись в жалкие десять минут ради того, чтобы просто выпустить пар. После этого пришло резкое, отрезвляющее понимание: так больше нельзя. Я устал ставить галочки в бесконечном списке побед. Мне хотелось совсем другого - чтобы женщина чувствовала меня по-настоящему, растворялась в страсти и испытывала со мной лучший оргазм в своей жизни, а не просто получала механическую разрядку.

Тишину комнаты разорвал резкий звонок телефона. На экране высветилось имя Мэйсена.

- Слушаю тебя, Мэйс... - устало произнес я, поднося трубку к уху.

- У меня паршивый вечер... Может, сгоняем в клуб, выпьем? - в его голосе отчетливо звенело раздражение и злость.

Я на секунду прикрыл глаза, делая медленный глоток виски, и едва заметно усмехнулся:

- Опять поругался с Сарой? Я же предупреждал, что вы спешите со свадьбой и ребенком... Тебе ведь всего двадцать два, куда было так торопиться?

- Давай только без нотаций, ладно? - резко оборвал он. - С тобой или без тебя, я всё равно поеду. Мне нужно выпустить пар, иначе я сорвусь.

- Окей, - спокойно ответил я, чувствуя его напряжение. - Собираюсь. Встретимся в клубе.

Мэйсон коротко выдохнул в трубку и тут же сбросил вызов.

Я еще пару секунд подержал телефон в руке, тяжело вздохнул, залпом допил остатки виски и опустил пустой стакан на столик. Поднявшись с кресла, быстро переоделся и вызвал такси.

Вечер и правда, обещал быть веселым. Или, по крайней мере, не таким одиноким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.